

Глава 1

— Так я и думала. — Марина Алешина остановилась у распахнутой створки окна, обозревая открывавшийся вид: скученные крыши старых особняков, залитые закатным оранжевым светом. Кое-где ослепительно пылали стекла мансардных окон. Вдали, подернутый смогом, угадывался грандиозный силуэт высотки на Котельнической набережной. — Ты так и будешь всю жизнь скитаться внутри Бульварного кольца, из трущобы в трущобу, с чердака на чердак. А потом здесь будут встречать твой призрак! Где-нибудь на Солянке.

— Я уже чувствую себя призраком, — Александра присела на нераспакованный ящик, один из многих, загромаждавших обширное помещение. — Страшно устала, спина разламывается. Голова пустая. Совершенно не помню, где что лежит. Придется доползти до магазина, купить зубную щетку. И там еще, по мелочам...

— Лучше закажи доставку, — посоветовала подруга, продолжая любоваться видом из панорамного окна. — Какие уж тут поблизости магазины! Банки да пафосные кофейни. Вот они, прелести жизни в центре!

— Мне ведь немного надо, я не дотяну до суммы доставки. — Художница обвела взглядом свою новую мастерскую. После того как в огромную комнату втащили

все ее бесчисленные пожитки, мансарда уже не казалась такой просторной. — И потом...

Она внезапно рассмеялась, стягивая матерчатые перчатки, побуревшие от пыли:

— Ты не поверишь, но я не помню адреса!

Марина обернулась:

— Это на тебя похоже! Но твой женишок Максим помнит, надеюсь?

— Надеюсь, — эхом отозвалась художница. Встала, прошлась от стены до стены, огибая ящики и узлы, остановилась у двери. Остановилась у двери, в который раз пытаясь представить, как она устроится на новом месте. Вот здесь, между двух больших окон, будет стоять рабочий стол — сколоченный из досок, изрезанный, испачканный красками, служивший ей много лет, а до того — ее покойному мужу, пейзажисту Ивану Корзухину, нелепый брак с которым навсегда определил ее бесприютное, лишенное удобств существование. При слове «богема» обычно приходит на ум веселая беззаботная жизнь, полная ярких впечатлений, но мало кто вспоминает о ее изнанке — о тяжелом труде, часто плохо оплачиваемом, о погоне за случайным заработком, о страхе остаться на улице, о рабской зависимости от случая...

Вот и эта новая мастерская появилась благодаря чистой случайности. В начале весны квартирная хозяйка, тоже вдова художника, только, в отличие от Ивана Корзухина, титулованного и обеспеченного, объявила Александре, что та в течение двух месяцев должна освободить снимаемую площадь. Александра тут же начала искать новый вариант. Ей, как правильно заметила Марина, не хотелось покидать привычный район, а цены на съем здесь были чудовищные. Максим (подруга иронично именовала его «женишком») постоянно предлагал решить

АРЛЕКИН, ИМПЕРАТОР ЛУНЫ

материальную сторону дела, но Александра всякий раз отказывалась.

— У него же денег куры не клюют, он не знает, куда их деть! — возмущалась Марина. — Да сделай ты человеку приятное, согласишься! Что за глупая гордыня!

— Это не гордыня, — тихо возражала Александра. — Я... боюсь.

Она боялась разрушить хрупкое равновесие, которое установилось между нею, нищей и бездомной художницей, и этим успешным бизнесменом, роман с которым начался несколько месяцев назад. Эта пара выглядела странно, в их союз никто не верил. Родство душ, одинаково склонных к авантюрам? Призрачная легкость отношений, без взаимных обязательств, без планов на будущее? Они то встречались каждый день, то ничего не знали друг о друге неделями. Александра была вместе с человеком, к которому ее тянуло, как никогда ни к кому. И вместе с тем она по-прежнему оставалась свободной.

— Если я начну брать у Максима деньги на жизнь, все испортится, — говорила она подруге. — Это будет крах, купля-продажа.

Марина скептически качала головой:

— Ты ничего не понимаешь в мужчинах, вообще ничего! Вот останешься на улице со своим барахлом, тогда и поймешь, что такое крах!

...Дни шли, квартирная хозяйка все настойчивее напоминала о сроке выезда, и в мастерскую уже заходили риелторы осмотреть выставляемую на продажу квартиру. Вернее, ту ее часть, которую снимала Александра.

— Вот это мы снесем! — Юлия Петровна хлопала ладонью по перегородке из гипсокартона, отделявшей мастерскую от остальной квартиры. — Будет единый коридор.

Вот тут комната... Кухня... Ванная. Выход на черную лестницу. В общем, вы представляете?

Риелторы кивали, они представляли. Александра тоже живо представляла себе, как рухнет ее маленький мирок, едва по перегородке ударят молотки. Иллюзорная независимость, детский страх перед завтрашним днем, стремление спрятаться от опасности под одеяло... И как единственный выход — Максим и его деньги. А его денег она не хотела.

И вот, в середине июня, когда художница, пересчитав свои жалкие накопления и прикинув возможные доходы от заказов, была готова сдаться и решиться на скромное помещение в области, Максим явился с новым предложением. О деньгах больше речи не было.

— Есть то, что тебе нужно! — заявил он прямо с порога. — Недалеко отсюда, рядом с Яузскими Воротами. Особняк после ремонта, первые четыре этажа под гостиницей, последний — пустой. Просто стены, два больших окна, санузел построен, кухня чисто символическая, да ведь ты и не готовишь никогда. Я только что оттуда.

— Сколько? — без всякой надежды спросила Александра.

— Нисколько, — отрезал Максим. — Приятель вложил деньги, сам уехал, отдал мне ключи. Попросил кого-нибудь подобрать, чтобы проживали и присматривали. Без вечеринок и барбекю на крыше, само собой. Поехали посмотрим!

— Какой хороший приятель! — недоверчиво заметила Александра. — И это даром? Слишком похоже на сказку.

— На то она и Москва. — Максим пожал плечами. — Здесь многое похоже на сказку. Не пугайся, едем!

Помещение подходило идеально. Александра несколько раз измерила шагами огромную комнату, пыта-

АРЛЕКИН, ИМПЕРАТОР ЛУНЫ

ясь установить метраж, открыла оба окна, выглянула на пологую крышу, тянувшуюся вплоть до соседнего здания. На крышу можно было вылезти из окна и даже немного погулять по ней. Художница представила себе уголок для отдыха — плетеное кресло, несколько ящиков с цветами...

— Здесь можно кино снимать, — обернулась она к своему спутнику, который безмолвно наслаждался ее изумлением. — Это слишком хорошо, чтобы пускать жильцов бесплатно! Надолго твой приятель уехал?

— Сдается мне, надолго. — Максим присел на подоконник. — В любом случае он тебя не побеспокоит.

— Я могу ему позвонить? — не сдавалась Александра.

— Я сам не могу ему позвонить, — усмехнулся Максим. — Он, скажем так, сейчас не слишком доступен. Но есть адрес электронной почты. Напиши письмо с вопросами, если хочешь.

Александра написала тем же вечером. Ответ пришел через два дня. Дмитрий Ларцев извещал ее, что указанным помещением по доверенности распоряжается его знакомый, Максим Богуславский, и все вопросы следует адресовать ему. Круг замкнулся.

Все хлопоты и расходы по переезду взял на себя Максим. Он решительно отстранил Александру от этих дел, и она, чувствуя себя персонажем чужого сна, наблюдала за тем, как ее вещи молниеносно запаковываются и исчезают в кузове грузовой машины. Весь процесс занял один день. Наутро художница зашла к бывшей квартирной хозяйке и отдала ключ от мастерской. Юлия Петровна тонко улыбнулась:

— А он очень деятельный... Ваш друг. Такой заботливый мужчина рядом — редкая удача. Такого беречь нужно!

...И сейчас, переселившись в новую мастерскую и окончательно осознав, что нерешаемый вопрос был ре-

шен без всяких усилий и жертв с ее стороны, Александра могла лишь повторять про себя эти слова: «Да, редкая удача. Сказочная удача!» И эти слова ее не радовали. Независимость, которую художница всегда ценила превыше всего, была утрачена. «Он платит за эту мастерскую! Не может не платить!»

Марина, тут же явившаяся на импровизированное новоселье, всю расхваливала подругу, переступившую наконец через свои нелепые принципы.

— Свобода, свобода... — ворчала Марина, открывая принесенный с собой пакет и ставя на подоконник бутылку шампанского. Вслед за шампанским появились пластиковые стаканчики и коробка с пирожными. — Свобода приходит нагая... Как там дальше у Хлебникова? Так вот, поверь мне, в том же виде она и уходит, без ничего. Знаешь, когда появился твой женишок, я очень переживала. Вы с ним, прямо скажу, не пара. Я подумала — ну, у богатого человека каприз. А ты-то была сама не своя. Потом присмотрелась, вижу, он мужик серьезный и дела у вас серьезные. Давай выпьем за твое счастье!

Вылетевшая из горлышка пробка гулко ахнула, разбудив эхо в пустых углах. Александра подошла к окну, взяла с подоконника стаканчик, подняла его на уровне глаз, разглядывая закатное небо через пузырящуюся золотистую влагу. Сделав глоток, поставила стаканчик.

— Хотя для счастливого человека ты слишком много думаешь! — заметила Марина, открывая коробку с пирожными. — Какая, например, разница, сколько Максим платит за эту мастерскую? Между приятелями свои счета. Может быть, хозяин твоему женишку что-то должен. Помещение шикарное, ты бы такое никогда не сняла. Радуйся тому, что имеешь!

АРЛЕКИН, ИМПЕРАТОР ЛУНЫ

Она надкусила пирожное и наполнила свой опустевший стаканчик.

— Тем более с заказами у тебя сейчас не густо, сама жаловалась, — продолжала Марина. — Или что-то есть на горизонте?

Закат дотлевал, исчезая за далекими крышами, и все ярче становилась половинка ущербной луны, повисшая над Москвой-рекой. В горячем безветрии черными вспышками мелькали стрижи, молниеносно исчезая под карнизами зданий, в слуховых окнах, в щелях среди лепнины. Зажглись фонари, и тут же вспыхнула вдали подсвеченная высотка, великолепный огромный замок, словно выхваченный из жутковатой сказки про великанов.

— Кое-что намечается, — с опозданием ответила Александра. — Завтра поеду к клиенту. Точнее, к клиентке.

— Реставрация? Экспертиза?

— Непонятно. — Александра взяла стаканчик и добавила, постаравшись принять более веселый тон: — Кажется, она и сама не знает.

— Значит, как обычно, — подвела итоги подруга. — Знаешь, за что мы теперь выпьем? За твоего Максима. Держись-ка ты за него крепче, это самое верное!

...Ближе к полуночи, когда подруга давно ушла, Александра отыскала в одном из узлов пару одеял и устроила спартанскую постель на полу. Она долго лежала без сна, изучая незнакомые еще тени в углах мансарды, прислушиваясь к звукам большого дома. Максим в тот вечер не позвонил, да она и не ждала звонка. В его подмосковном отеле все домики были заняты, и он пропадал там сутками, ссылаясь на дела. «А чем он занимается помимо отеля, я так и не знаю. — Художница смотрела, как по потолку проходят косые линии света — по переулку вниз ехали машины. — С его слов, какие-то продажи. Все с его

слов, все по его правилам. И эта мастерская тоже. Хозяин может в любой момент появиться и выкинуть меня на улицу».

Она уснула с твердым намерением написать Дмитрию Ларцеву еще раз и добиться более развернутого ответа насчет его планов относительно помещения. «Может, и вещи распаковывать не стоит!» — сказала себе Александра и натянула на голову простыню, спасаясь от тонко воющего комара, который страшно обрадовался, обнаружив, что он на этой мансарде больше не одинок.

* * *

На следующий день, в назначенное время, ровно в час пополудни, Александра нажала кнопку на домофоне. Услышав ответ, представилась, и ее пустили в подъезд. Поднимаясь на третий этаж по лестнице (лифта не было), Александра припоминала подробности телефонного разговора с клиенткой. Та позвонила два дня назад, когда в старую мастерскую художницы явились упаковщики и грузчики, и толкового разговора не вышло. Женщина говорила очень тихо, ее слабый голос был еле слышен. Александра уяснила лишь, что собеседница желает что-то продать. Был назван адрес и назначено время, и вот художница стояла перед стальной дверью и нажимала кнопку звонка.

Ей открыла молодая женщина, на вид — лет тридцати, в шортах и майке, с коротко стриженными обесцвеченными волосами. Стройную загорелую шею украшала цветная татуировка — ожерелье из роз. Александра представляла свою собеседницу иначе, но женщина моментально развеяла ее недоумение, представившись:

— Я сиделка, меня зовут Лера. Идемте!

Сиделка провела гостью в большую комнату с двумя окнами, из которых открывался вид на Малую Грузинскую улицу и большой собор в готическом стиле. Само расположение дома уже внушало Александре некоторые надежды. Стоимость квартиры была немалой. Хотя в ее практике бывали случаи, когда редкие ценности находились в квартирах куда более скромных и даже убогих, художница все же приободрилась, оглядывая старинную мебель и потемневшие полотна на стенах.

Хозяйка сидела в инвалидном кресле, в дальнем углу от окна, ее ноги были укрыты пледом. Она еле слышно поприветствовала Александру:

— Проходите... Присаживайтесь.

Произнеся эти слова, женщина, словно обессилев, замолчала. Александра послушно присела к столу, отметив про себя, что пыль с дубовой столешницы не вытиралась уже давно. Сиделка остановилась в дверях, вопросительно глядя на хозяйку, словно ожидая указаний, но та молча разглядывала Александру. Художница, в свою очередь, исподтишка разглядывала ее, делая вид, что интересуется картинами, развешенными над креслом.

— Людмила, — собравшись с силами, представилась хозяйка. — Спасибо, что пришли.

Ее худые руки с узловатыми длинным пальцами все время что-то теребили — то край пледа, то ворот халата, из-под которого виднелась ночная рубашка. Увядшее, мелово-бледное лицо было неподвижно, как маска, но голубые, удивительно яркие глаза выражали беспокойство. Людмила взглянула на застывшую в дверях сиделку и слабо махнула рукой:

— Иди, Лера.

Та молча развернулась и исчезла. Оставшись с гостьей наедине, хозяйка продолжала чуть окрепшим голосом:

— Я пришла к этому решению не сразу... Но здоровье в последнее время подводит, нужны деньги. Хочу кое-что продать.

— Я к вашим услугам. — Александра вновь обвела взглядом полотна на стенах. Только интерьеры... Многие были выполнены схематично и оставляли впечатление незаконченности. Людмила, словно прочитав ее мысли, покачала головой:

— Нет, это не продается. Это память, история, если хотите. Да ведь это и не картины в полном смысле!

— Нет? — заинтересовавшись, художница встала и подошла к развешанным полотнам чуть ближе. Во всех картинах было нечто общее, что она осознала не сразу — композиция четко перспективна, симметрична и строго ориентирована по центру.

— Это эскизы театральных задников! — разрешила ее сомнения хозяйка. — Подлинники! Но ценных здесь нет. Все было списано в утиль, для музея не пригодилось. Покойный супруг забрал этот хлам домой. Он и с гастролей всегда что-то привозил, рылся по блошиным рынкам... Олег буквально жил театром! Всю жизнь проработал художником-оформителем и умер в кулисах. Инфаркт...

Узловатые пальцы ожесточенно терзали плед, в слабом голосе Людмилы звучали негодование и обида:

— Сколько прекрасных слов звучало на похоронах! Послушать этих людей, так Олег был незаменимым человеком для театра. А при жизни его травили, оскорбляли, считали чуть ли не сумасшедшим. И правда, только безумец согласится сутками работать за такую зарплату! При таком отношении! После похорон все его коллеги исчезли. Никто ни разу не позвонил, не спросил, нужна ли какая-то помощь. Всем было известно, насколько я больна

и сколько лет отдала тому же театру... Десятки спектаклей! Гастроли по всему миру! Но стоило уйти из театра по болезни, как я для всех исчезла, все равно что тоже умерла. Если бы не...

Хозяйка запнулась, заведя вновь появившуюся в дверях Леру.

— Каша готова, — сообщила сиделка.

— Минутку, — просительно проговорила Людмила. Она молчала, пока Лера не ушла, затем вновь обратилась к Александре: — В общем, приходится расстаться с частью коллекции мужа. Все хранится в его комнате, вы сами решите, что продать. Возьметесь?

— Конечно, я посмотрю, — пообещала Александра. Она от души надеялась, что коллекция окажется уровнем выше, чем то, что было выставлено для обозрения. Художница ничуть не удивлялась тому, что эскизы театральных задников были отвергнуты музеем и списаны в утиль. «Бенуа или Билибина у меня бы с руками оторвали, а эта развеска даже на интерьерную тему не тянет!»

— Ключ в двери, — сообщила Людмила окончательно угасшим голосом. Казалось, короткий разговор отнял у нее последние силы. — Следующая комната по коридору.

— Вы не желаете присутствовать при разборе коллекции? — поинтересовалась Александра. — Может быть, захотите что-то оставить себе на память?

Хозяйка слабо отмахнулась:

— Какая уж там память! Он забыт, и я уже забыта. Память нужна молодым, сильным... А больным старикам нужны только деньги. Я вас не задерживаю, распорядитесь. Лера поможет, если нужно.

...Сиделки в коридоре не было, ее присутствие выдавали лишь звуки — на кухне шумела вода и звенела посуда. Александра подошла к двери следующей комнаты и

повернула в замке массивный старый ключ. Толкнула тяжелую филенчатую дверь, вошла.

Ее охватила стылая духота давно не проветриваемой комнаты. В пыльное окно, наполовину задернутое жидкой желтоватой занавеской, едва просачивался мутный свет с улицы. Осмотреть при таком освещении многочисленные картины и рисунки, висевшие на стенах, было затруднительно. Александра нажала выключатель возле дверного косяка. Единственная лампочка, свисавшая с высокого потолка на проводе, ярко вспыхнула и тут же с легким треском перегорела. Подойдя к окну, художница отодвинула занавеску и прошлась по комнате, разглядывая картины.

Собрание было посвящено театру, как она и предполагала. Эскизы костюмов, декораций, задников... Искренне желая как заработать, так и помочь хозяйке коллекции, Александра выискивала среди полотен и рисунков то, что можно было продать. Напрасно. Кроме двух-трех эскизов, которые она с большими колебаниями отнесла к началу прошлого века и которые не были подписаны, ничего интересного не обнаружилось.

— Ну, что скажете?

Александра обернулась. В комнате незаметно появилась сиделка.

— Пока ничего, — сдержанно ответила художница.

Молодая женщина энергично кивнула, словно ответ ее полностью удовлетворил:

— А здесь ничего стоящего и нет! Я говорила Люде, чтобы она особенно не надеялась на этот хлам. Значит, права я была, все это — барахло?

Александра внимательно посмотрела на сиделку и ничего не ответила. Ей не нравилась напористая и недоброжелательная фамильярность этой женщины. В запущен-

ной захлавленной квартире, где медленно угасала жизнь, Лера выглядела чем-то инородным. Ее движения были слишком резкими, голос — слишком громким, и повадки — чересчур хозяйскими.

— Тут по всем углам валяется этот мусор. — Лера обвела комнату пренебрежительным жестом. — Покойник был, видно, настоящий маньяк, тащил в дом все подряд. И куда теперь это все? Чертям на колпак?

— Надеюсь, что-нибудь подберу, — без энтузиазма ответила художница. — Света бы здесь побольше, лампочка перегорела.

Сиделка посмотрела на потолок и кивнула:

— Сейчас Люду накормлю и стремянку притащу.

Ожидая, когда Лера вернется со стремянкой, Александра развлекалась тем, что смотрела в окно. Во дворе большого католического храма напротив было пустынно — будний день, послеобеденное время. На детской площадке, оборудованной рядом с храмом, общались две женщины с колясками. Смеялась, разговаривая по телефону, монахиня в сером платье и белом головном покрывале. В открытую настежь кованую калитку никто не входил.

Рядом с калиткой, на улице, на выступе кирпичной ограды сидел молодой мужчина. В нем не было ничего примечательного, кроме одного — он смотрел на окно, из которого выглядывала Александра. Увидев в окне Александру, он резко вскочил, не сводя с художницы взгляда, словно взяв ее на прицел. Александра, неприятно озадаченная, отошла от окна, и как раз вовремя — вернулась Лера, вооруженная стремянкой. Сменная лампочка торчала из кармана шорт.

Когда снова вспыхнул свет, комната показалась еще более запущенной, а картины на стенах еще более убоги-

ми. Лера истолковала недовольный вид гостьи по-своему и заявила, складывая стремянку и отряхивая руки:

— Вы думаете, я не убираюсь? Каждый день воюю с пылью, как каторжная, а что толку? Когда в квартире столько хлама, мучиться бесполезно. Все это собирал сумасшедший, и купит тоже только сумасшедший, вот что я скажу!

Высказавшись, сиделка задвинула стремянку за дверь и удалилась с видом чрезвычайно занятого человека, которого отвлекают по пустякам. Александра приступила к разбору коллекции покойного художника-оформителя.

Сюрпризов она не ждала, и их не оказалось. Спустя час художница могла похвастаться весьма скромным уловом: пара полотен, несколько рисунков и гравюр. Да и эти находки, учитывая низкий покупательский спрос в летнее время, рисковали залежаться в том антикварном магазине, куда их навскидку определила сдать Александра. Надежда на заработок потускнела, словно покрывшись слоем пыли, как все вокруг.

Александра вернулась в комнату хозяйки со своим уловом. Пожилая женщина, казалось, дремала с широко открытыми глазами. Она заметила художницу, только когда та подошла почти вплотную. Вздрогнув всем телом, Людмила натянула плед на грудь:

— Вы меня напугали! Я задумалась...

— Извините. — Александра предъявила свои находки, попутно отмечая то, чего не заметила при первом взгляде: лицо хозяйки было покрыто гримом. Этим и объяснялось его сходство с маской и безжизненный тон кожи. Загримирована была и шея — на вороте ночной рубашки, выглядывавшей из-под халата, виднелись мазки жирного тонального крема. — Вот все, что я отобрала. На сегодня все!

Последние слова она поторопилась добавить, заметив разочарование во взгляде хозяйки. Александре было жаль эту женщину, одинокую, всеми забытую, живущую воспоминаниями и обидами.

— Я попробую сдать это в магазин и навещу вас на днях снова, — пообещала художница. — Сейчас я должна ехать, у меня назначена встреча.

Никакой встречи назначено не было, но Александру начинала тяготить эта угрюмая квартира, этот беспокойный, бегающий взгляд вдовы, в котором читались строптивая горечь, неуверенная надежда и... страх, что очень не нравилось Александре. Художница не могла ошибиться: многие годы она перепродавала антиквариат и произведения живописи. Ей приходилось выслушивать диковинные истории, совершенно неправдоподобные, которые на проверку оказывались правдой. И напротив, невинные и наивные с виду люди самым наглым образом лгали. «Но боялись только те, кто продавал краденое или пытался всучить подделку...»

Она упаковала отобранные предметы в оберточную бумагу и, попрощавшись, вышла из комнаты. В коридоре поджидала сиделка. Отперев дверь, Лера высунулась на лестничную площадку и, оглядевшись, выпустила Александру. Поймав ее вопросительный взгляд, молодая женщина пояснила:

— Тут соседка вечно околачивается, подслушивает под дверь. Ну, удачи!

Оказавшись во дворе, Александра глубоко вздохнула, и жаркий безветренный воздух показался ей свежим и сладким. В пыльной запущенной квартире было нечем дышать, и уверения сиделки, что она постоянно убирается, были, безусловно, грубой ложью.